

И.Е. Дунюшкин

ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА И УРОКИ БОРЬБЫ С НИМ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы связанные с обеспечением в нач.

XX века безопасности на Северо-Восточном Кавказе и нейтрализации абречества. Абреки (от осетинского слова «абраг») — мобильные, как правило, конные, партизанские отряды. Главным обстоятельством, которое способствовало длительному и долгое время успешному партизанскому движению на Северо-Восточном Кавказе (восток Терской области) в начале XX века, являлась массовая поддержка партизан местным горским населением, прежде всего вайнахами (чеченцами и ингушами). В статье подробно рассмотрена роль абречества на востоке Терской области.

Ключевые слова: абречество, безопасность на Кавказе, партизанское движение, вайнахи.

На Северо-Восточном Кавказе проблема обеспечения государственной безопасности остро стояла в течение почти всей российской истории данного региона. Не был исключением и период примерно столетней давности, когда серьезнейшие социальные противоречия сочетались в крае с застарелыми и вновь возникавшими межнациональными конфликтами. Особое значение в обеспечении безопасности на Северо-Восточном Кавказе имел вопрос нейтрализации абречества.

При всех негативных новшествах, появившихся в крае вместе с российской властью, местному населению было бессмысленно ожидать от нее нападения, так как Кавказская война была закончена, а главной задачей местных властей было утвердить мир в регионе. Однако если у людей на руках неограниченная масса оружия, то оно будет стрелять в том или ином месте — эту аксиому еще никто не опроверг. Ни увещевания, ни запреты не помогали, как и внезапные обыски в аулах. И «человек с ружьем» все чаще использовал последнее для рискованного, но быстрого повышения своего благосостояния, видя все возрастающую массу переселенцев с севера, некоторые из которых становились состоятельными людьми. Прежде всего это касалось иногородних, так как казаки могли постоять за себя, а от купца, приказчика или хуторянина ожидать достойного вооруженного отпора не приходилось. Известный общественно-политический северокавказский деятель того времени А. Цаликов так объясняет эту ситуацию: «Немудрено, что горцы нагорной полосы, особенно чеченцы и лезгины, занимаются в широких размерах отхожими промыслами легальными и нелегальными, покрывая только из этого источника налоги и повинности»

1. Безусловно, формулировка справедлива, как справедлива и еще одна аксиома — безнаказанность «нелегального», то есть преступного, промысла (при всей безвыходности положения безземельного горца) развращает, и человек очень быстро привыкает к легким деньгам, добытым таким путем. Другой популярный краевед и публицист рассматриваемого периода Г.А. Ткачев так объяснял сущность абречества: «Экономическая слабость горца есть неизбежный результат его склонности к удальству и непривычки упорно работать. В то время как главнейшие работы в семье исполняет жена, туземец-хозяин находит слишком много праздного времени, употребляемого не всегда с пользою»

2. При всей явной однобокости этой формулировки в ней присутствует и элемент правдивого изложения ситуации. Какой смысл заниматься сельским хозяйством, работать на нефтепромыслах за годовую плату, которую можно заработать за ночь! Известный чеченский абрек Зелимхан Гушмузукаев встал на этот путь в 1901 г. из-за конфликта с аульным старшиной, хотя родители оставляли Зелимхану солидное по горским меркам наследство. Скитаясь по Чечне во избежание кровной мести, З. Гушмузукаев стал грабить русских купцов, хотя мог спрятаться где угодно

в необъятной России, устроившись на легальную должность. Кровники все же настигли абрека, ранили его, убили отца и брата, но

3. Гушмузукаев к тому времени уже слишком сильно провинился перед российской властью, и его противостояние с ней затянулось до 1913 г., когда закономерный финал прервал драму этого человека — абрек был убит командой казаков.

Важно понять истоки небывалого роста абречества после прихода русского населения на Северо-Восточный Кавказ, поэтому необходимо вспомнить обстоятельства появления новоселов в крае южнее Терека. Грозный получил статус города в 1870 году, а до этого был русской военной крепостью, построенной по приказу царского наместника на Кавказе генерала Ермолова в 1817—1818 годах. Это был центр, из которого во время Кавказской войны многочисленные русские воинские экспедиции направлялись в чеченские земли. Понятно, что чеченцы воспринимали крепость Грозную и возникший на её месте город как «источник зла». Рядом с крепостью была основана терская казачья станица Грозненская, а на запад и восток по Сунже во время той же войны возникла целая цепь станиц. Военно-стратегический замысел русского командования был ясен (пресечь сообщение многочисленных банд, постоянно передвигавшихся из горных в равнинные вайнахские аулы и обратно), но для его реализации немало чеченских и ингушских поселений было убрано с Сунжи для освобождения места под станицы. Понятно, что русские новосёлы негативно воспринимались соседями-вайнахами, изгнанными со своих земель.

Главным обстоятельством, которое способствовало длительному и долгое время успешному партизанскому движению на Северо-Восточном Кавказе (восток Терской области) в начале XX века, являлась массовая поддержка партизан местным горским населением, прежде всего вайнахами (чеченцами и ингушами). Абреки (от осетинского слова «абраг»), которые собирались в мобильные, как правило, конные, партизанские отряды, приобретали все более массовую поддержку после каждой успешной акции. Нужно отметить, что их действия не носили подчеркнуто политического характера, но фактически были направлены прежде всего против «чужаков» — новоселов из числа русского и иного невайнахского населения, которые с 60-х г. XIX в. в большом количестве были расселены российской имперской властью в Сунженском и Кизлярском отделах Терского

казачьего войска, а также в Назрановском, Грозненском, Веденском и Хасавюртовском округах. Царизм действовал в четком соответствии с заповедями, обозначенными еще Петром I, который в письме Артемию Волынскому в 1723 году предписывал российским военачальникам после Каспийского похода в присоединенных землях по возможности увеличивать христианское население в ущерб мусульманскому.

Бандиты нападали на состоятельных новоселов, а затем щедро делились добычей с местным населением, которое не только могло принимать абреков в гости, но и при необходимости покрывало их перед российской властью. Так, при преследовании отряда Зелимхана Гушмузукаева российскими войсками после ограбления им казначейства в городе Кизляре 27.03.1910 г. его путь прошел через аул Адиль-Чанка-Юрт южнее Терека, где совместно с кумыками проживали чеченцы-акинцы. В то время поиск производился «по следам», поэтому чеченцы из данного аула «...забили следы на 15 верст, а это ведь каторжный труд...», как отмечал Г. Ткачѳв. После упомянутой «экспроприации», в ходе которой было похищено 5 тыс. рублей, а от рук Гушмузукаева и его подчиненных погибли 17 посторонних людей, в чеченском эпосе появилась новая и ставшая тогда же популярной песня «Нападение Зелимхана на Кизляр». При подобном отношении вайнахского населения к абрекам было крайне сложно их обнаружить и ликвидировать.

Со временем у абреков выявились определенные маршруты, по которым они направлялись на грабежи. Иногда эти пути были неблизкими, и требовались промежуточные пункты для остановки, особенно с добычей. Вблизи Владикавказа ингушские абреки облюбовали под свой «транзитный пункт» фруктовые сады, на чем следует остановиться подробнее.

Сначала ингуши стали наниматься сторожами к прежним хозяевам за весьма высокую плату. При несогласии взять ингушей в сторожа или при попытках устроиться сторожами конкурентов иных национальностей — этих людей ингуши всячески выживали, что было очень четко отработано: сперва потрава, потом кража, затем поджог и т. п. Так, у упорно не желавших брать на работу ингушей состоятельных владикавказцев Летгольда и Дубунского сожгли все хозяйственные постройки и дома на дачах³. Г. Ткачев отмечал по этому поводу: «Сад же, раз попавший в руки ингушей, из цветущего, действительно приносящего пользу и доход,

становится заброшенным, так как целью приобретения сада является не получение дохода за фрукты, а пристанодержательство и сокрытие краденого. Сады эти... лежат на путях абреков и служат для них вследствие гостеприимства операционным базисом и местом прикрытия отступления в случае неудавшегося грабежа. Благодаря этому, все бесчинства, творимые абреками, являются совершенно безнаказанными и неуловимыми для администрации» .

Понятно, что так действовать абреки могли только при поддержке местного ингушского или чеченского населения. Имевшее место на рубеже XIX и XX веков выживание русских из Назрани осуществлялось не заезжими бандитами, а соседями-ингушами. В результате «в то время как в Большой и Малой Кабарде, на Кумыкской плоскости — развились русские хутора, селятся колонисты-немцы, среди ингушей и чеченцев не только не образовалось поселений русских, но опустели те, что были заведены раньше»⁵. Тот же Ткачев отмечал: «Гоня русских отовсюду с чеченских территорий, чеченцы сами дружно лезут на левый берег Терека. В Щедринской, Червленной, Николаевской, Калиновской и т. д. станицах по Тереку мануфактурная торговля почти уже в руках чеченцев. Сюда же они гонят свои стада, умножая их на тихой стороне казачьей. Эти перебеж- лые коммерсанты и скотопрмышленники не развивают промышленности на своей земле, потому что там у них крадут. Так они сами... занимаются тем же у русских. На русской стороне у них чрезвычайно умножаются стада и они богатеют быстро»⁶. На деле абреки воровали скот у калмыков и ногайцев.

Казачи, сами имевшие действительно многонациональное происхождение, не имели по отношению к горцам неприязни на почве этнических различий. Действительно, «у казаков нет ненависти к туземцам, как к народностям, а есть лишь болезненная злоба к грабегам и разбоям», как отмечал Г. Ткачев⁷.

При этом терское казачество не показывало особо усердного стремления к защите власть имущих, так как среди казаков шел интенсивный процесс расслоения на состоятельную верхушку и небогатое большинство станичников. Это полностью соответствовало бурному развитию капитализма в России 90-120 лет тому назад. В целом русское население края составляло к 1914 г. 556608 чел. (из 1321328 чел. всего

населения Терской области), а чеченцы — 261700 о чел., ингуши 58594 чел.0

Однако русские в Терской области не были единой силой, что с тревогой констатировалось руководством органов государственной безопасности того времени. Так, по итогам первой русской революции 1905-1907 гг. начальник областного жандармского управления Шпицбарт сообщал в Санкт-Петербург: «Горские племена, в огромном большинстве магометане, нетерпимые к аристократам, главными представителями которых в области являются, с небольшим процентом прочих христианских народностей, русские, питают в отношении последних чувство затаенной вражды, как к завоевателям края, посягнувшим на их самобытность и вольность. Русское же население, в значительной степени состоящее из последователей различных сект (старообрядцы, молокане, баптисты и прочие), не представляет однородной сплоченной массы, способной к дружному отпору исламизму и притом само восприимчиво в своей среде вспышкам насилия на почве религиозных вопросов».

Своими преступными действиями абреки настраивали против себя не только русское население, но и соседние горские народы, прежде всего кабардинцев, чьи табуны чаще всего угонялись абреками-ингушами. Кабардинцы заявляли властям: «...мы вошли в состав России, поверили силе русского закона, отдали свое оружие... Что же с нами делают? ... Вооруженные ингуши и чеченцы разъезжают по нашей земле, чего не бывало прежде. Издеваются, насильничают... На наших глазах отхватывают наши табуны, прогоняют мимо кабардинских селений...»¹⁰. Действительно, в XVI—XVIII вв. равнина южнее Терека делилась между собой кабардинцами и кумыками, иногда в сражениях выяснявшими территориальные споры. Осетины и ингуши являлись данниками кабардинцев, а чеченцы частью зависели от кабардинцев, а частью от кумыков. И вот на рубеже XIX—XX вв. кабардинцы оказывались под ударами абреков с востока. В такой ситуации о действительном добрососедстве горских народов говорить было преждевременно. Чеченцы, арендовавшие отдельные и небольшие участки под видом овцеводческого промысла в Ногайской степи, занимались наделе конокрадством. Атаману Кизлярского отдела Вербицкому ногайцы говорили в 1910 г., не смея жаловаться на свои беды: «Ты уедешь, а он убьет! Приедет и убьет, если

узнает». В случае жалобы властям ногойцу отомстил бы если не сам вор, то его товарищ¹¹.

Особую роль абречество играло на самом востоке Терской области, что уместно рассмотреть подробнее.

В Хасавюртовском округе подлинно коренным населением были кумыки, поэтому было устоявшимся название земель округа — Кумыкская плоскость. Примерно половиной ее земель на общинном праве владели кумыкские крестьяне, а другую половину российские власти закрепили за князьями этого народа. Знать активно сдавала свои земли в долгосрочную аренду русским крестьянам-земледельцам либо продавала государству, которое расселяло на выкупленных участках тех же русских и молдавских крестьян, а также немецких колонистов. В начале XX в. на Кумыкской плоскости возникло свыше 100 земледельческих сел, крупнейшими из которых являлись Владимировка, Романовка, Новоалексеевка, Новоромановка, Новониколаевское, Преображенское, Измайловское, Покровское. Крупная слобода с русским населением при железнодорожной станции Хасавюрт слилась с одноименным кумыкским аулом и стала центром округа. В то же время примерно 25 % населения округа составляли чеченцы-акинцы, поселившиеся на правом берегу Терека еще в XVIII в. рядом с кумыками, чему способствовало единоверие двух мусульманских народов. При этом в Хасавюртовском округе были самые перспективные и новые районы, обживавшиеся переселенцами-крестьянами, на что следует обратить пристальное внимание.

Защищая интересы кумыков, депутат Эльдарханов во II Думе излагал коллегам свою точку зрения на земельную проблему в округе: «...в 60-х годах князья кумыцкие добровольно уступили кумыцкому народу половину всей своей земли, прося правительство, чтобы другую половину укрепили за ними на правах собственности и выдали документы. Князьям и узденям документы на право собственности были выданы, что же касается другой части — о признании этого права собственности за крестьянами, то она и по сие время остается открытой и местные власти, пользуясь разными предложениями и причинами, заселяют на их собственных кумыкских землях пришлый элемент, нисколько не стесняясь их правом на эти земли» .

Т. Эльдарханов совершенно точно отразил бесцеремонность местной администрации в действительно «русификации» Хасавюртовского округа. Кумыки, будучи традиционно прежде всего скотоводами, теряли много прекрасных пастбищ, на которых иногородние русские крестьяне и немецкие колонисты распахивали целину, разводили сады и виноградники и вообще оживляли землю. Безусловно, такое использование земли более рационально, чем традиционное экстенсивное скотоводство, однако власти не утруждали себя разрешением неизбежно возникавших межнациональных конфликтов между новыми и старыми жителями Кумыкской плоскости. До «Смуты» 1917 года кумыки в массе своей не предпринимали агрессивных действий по отношению к новосёлам, однако абреки под предлогом «борьбы за справедливость» и при пособничестве местного чеченского акинского населения стали практиковать внезапные и болезненные по последствиям нападения на переселенцев, что сыграло крайне отрицательную роль для государственной безопасности в этом районе, особенно при ослаблении местной, а тем более — центральной власти в России. А между тем сами кумыки подвергались нападениям абреков, хотя и в меньшей степени.

Зная личность преступника, кумык не верил в торжество закона и справедливо предчувствовал судебную волокиту, а при возбуждении дела предпочитал, в конце концов, под угрозами бандитов забирать исковое заявление¹⁴. И только хевсуры, жившие на границе с Грузией и имевшие в горах мало богатства, но обладавшие жестоким и воинственным духом, предпочли сжечь живьем четверых чеченцев, пойманных на краже в 1909 г.¹⁵ После этого дорога в верховья гор была абреками надолго забыта.

Позиция чеченского народа в отношении такого постыдного явления, как абречество, была неоднозначной. Молодежь видела в абреках удальцов, не боявшихся свиста пуль. Старики жили воспоминаниями о бурных годах Кавказской войны. На этом фоне с учетом бойкота ими властей в вопросе помощи в поимке абреков из среды чеченцев появлялось немало добровольцев, пробовавших силы в этом «промысле». Встав на путь абречества, даже бедный горец не мог остановиться, привыкая к нечестным, но быстрым деньгам. Современники отмечали: «В Щедринском лесу дважды обнаруживаемы были убитые на злоумышлении туземцы, но в оба раза это не были бедняки. Они были хорошо вооружены, при них имелись

серебряные часы и в кошельках у них были деньги. В числе убитых оказался даже мулла. Трудно думать, что на злоумышление их гнала нужда»¹⁶.

Но были и иные примеры. Так, в «Терских ведомостях» горец под псевдонимом «Чеченец» частично раскрыл отношения вайнахов к абречеству: «Среди чеченцев и ингушей существует традиция, в силу которой все доносчики, хотя бы данные ими сведения о ското и конокрадах или других преступлениях были самые основательные, порицаются самым жестоким образом, а потому, пока традиции эти не изменятся во взглядах чеченского и ингушского народа, до тех пор среди нас, чеченцев и ингушей, не могут открываться преступления, совершаемые на виду у целого общества»¹⁷. С этой позицией солидарно мнение Г. Ткачева: «...если не все ингуши совершали кражи, разбои, грабежи, убийства и другие насилия, то поголовно все они являются укрывателями своего преступного элемента и добытого этим элементом путем преступления имущества, так как не было случая, чтобы они выдали преступника или украденное им, даже в тех случаях, когда на виду всех преступник скрывался в их селении или след целого табуна лошадей приводил в селение»¹⁸.

Сходные выводы очевидны и в рапорте начальника Веденского округа руководству Терской обл. от 12 августа 1906 г. о причинах нераскрытая грабежей, виной чему «хладнокровное отношение ко всему происходящему самих жителей, частью из боязни мести и частью по установившемуся взгляду, что разбои, грабежи и воровство ничего порочного для совершивших их не составляют, не желающих идти на помощь ¹⁹ властям».

Дополнительную сложность представляла перспектива «взаимодействия» российских воинских отрядов, пытавшихся уничтожить абреков, с сотрудниками местной Терской постоянной милиции, которая состояла в частности на вайнахских территориях из вайнахского же населения. В связи с этим весьма показательное мнение атамана Кизлярского отдела Терского казачьего войска, изложенное в сообщении для войскового штаба 2 мая 1906 г.: «Признаю неудобной замену казачьих постов милиционерами, так как это было бы то же самое, что поощрять хищников еще более к их дерзким проделкам и давать им возможность совершенно безнаказанно скрываться от правосудия. Примеры доказывают, что большинство грабежей совершается милиционерами, которые под прикрытием погон совершенно свободно грабят мирное население»²⁰.

Данная оценка явилась следствием двух факторов: родоплеменной психологии милиционеров-вайнахов, с одной стороны, и почти полного отсутствия контроля за Терской постоянной милицией со стороны Российского государства, с другой.

Поступая на службу в милицию, чеченец и ингуш оставался прежде всего членом своего тейпа (племени), был обязан, как и любой его сородич, всегда безоговорочно помогать любому родственнику, нуждавшемуся в этом, даже если последний совершил нечто, инкриминируемое ему российскими законами. В противном случае милиционер-вайнах мог быть изгнан старейшинами из тейпа, что являлось и является самым тяжелым наказанием для любого чеченца или ингуша. Вполне естественно, что задержание милиционером-вайнахом и передача карательным органам преступника той же, что и сам милиционер, национальности, воспринимались как безоговорочное основание для объявления кровной мести со стороны родственников задержанного столь «дисциплинированному силовику». Подобная перспектива заставляла милиционеров любыми путями избегать таких критических ситуаций.

Возникает ещё один злободневный вопрос — почему ещё в XVII—XVIII веках те же казаки, как и представители немногочисленной российской государственной администрации в Терках, могли уживаться с мусульманами-представителями иных народов (кабардинцами, кумыками), хотя и имели с ними периодически конфликты, а приход чеченцев заставил русское население перебраться за Терек? Касаясь этой важной и болезненной проблемы, неизбежно следует вспомнить о том, что и в эпоху формирования «единой общности — советского народа» историки того периода часто, но без особых разъяснений отмечали неравномерность социально-экономического развития различных народов Северного Кавказа. За подобными «скороговорчатыми» формулировками и тогда скрывалось понимание отсталости прежде всего вайнахов (чеченцев и ингушей) от всех окружающих их соседей в общественно-экономическом развитии. Не следует понимать подобное утверждение как намеренное оскорбление вайнахов. Ведь не приходит же никому в голову мнение о том, что все народы бывшего СССР к моменту прихода к власти коммунистов уже были на примерно одном уровне социально-экономического развития, а в отношении чеченцев ситуация была вполне очевидной и объясняется

совершенно логично. Дело в том, что кабардинцы и кумыки к моменту прихода русских имели сложившиеся феодальные отношения в силу значительных предпосылок (прежде всего обширных пастбищ) в общественном развитии. Практически все народы

Дагестана, особенно сравнительно многочисленные — аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, также находились на стадии развития феодальных отношений, хотя и не столь очевидных. У всех указанных народов существовала знать, имевшая династический характер и в своём могуществе опиравшаяся на земельные владения, где эксплуатировались в различных, но в основном феодальных формах рядовые горцы-общинники. Чеченцы, как упоминалось ранее, были долгое время зависимы от владевших равнинными пастбищами кабардинцев и кумыков, и только в XVII веке начали самостоятельное переселение на эти земли. Психология переселенцев на «плоскость» осталась на уровне разложения родоплеменных отношений, поскольку предпосылки для её изменения не сформировались за короткий период освоения горцами равнинных массивов. В принципе психология остаётся самым трудноизменяемым элементом человеческого поведения, поэтому перед приходом русских на Сунжу в начале XIX века чеченцы совершенно органично жили по законам «военной демократии». Общество, находящееся на этом уровне развития, свой основной доход приобретает не за счёт собственного производительного труда или эксплуатации имеющихся у них и востребованных ими и окружающими природных богатств, а за счёт постоянных военных походов (набегов) на своих соседей различной степени обеспеченности. Не следует рассматривать в этой связи чеченцев как неких «первооткрывателей», поскольку предки всех, в том числе ныне «европейски цивилизованных», народов проходили в своём развитии подобную фазу, как и древние славяне. Вот только самым прискорбным элементом исторической самобытности вайнахов остаётся именно целый комплекс родоплеменных пережитков. Приходится встречаться с утверждениями, что многие из этих старинных традиций (уважение к старшим, помощь родственникам, даже весьма отдалённым, мужественное воспитание молодёжи, особенно мальчиков и т. д. и т. п.) вполне полезны и достойны заимствования. Хочется в этой связи напомнить, что эти

действительно достойные качества являются не единственными, присущими носителям родоплеменной психологии. Базисной чертой служит явно «внеэкономическая» по большей части система получения дохода, которая около 20 лет назад была названа осетинским историком М.М. Блиевым «набеговой системой» и подверглась особенно ожесточённой критике со стороны представителей научной общественности Чечено-Ингушской АССР. Касаясь проблемы преступности у горцев, один из образованнейших горцев Терской обл., осетинский мыслитель А.А. Гассиев ещё в начале XX века отмечал: «...в завистливости, мстительности, необузданном своеволии, неуважении чужих прав, похищении девиц и кровной мести содержатся или ими покрываются все пороки и все преступления. Самосуд, пьянство, снохачество и другие ненормальные явления русской жизни в сравнении с ними — мелочь» .

Будучи специфическим кавказским явлением, в то время абречество не носило какой-либо политической окраски. Это отмечали и современники, характеризуя действия абреков-вайнахов: «...насилия чеченцев и ингушей лишены характера племенной вражды или национального антагонизма»²². Бандиты из осетин и русских, чеченцев и ингушей действовали, за редчайшими исключениями, в интересах наживы. Иногда они покушались на жизнь неугодных горскому населению или активно преследовавших преступников государственных чиновников, что создавало абрекам ореол народных мстителей в глазах местного населения. Так, в Чечне были убиты 4 апреля 1906 г. из засады заместитель начальника Веденского округа подполковник Добровольский и подъесаул Нецветаевский²³. Но в глазах и властей, и интеллигенции, и масс русского и горского населения абреки оставались не действительными выразителями народных интересов, а лишь разбойниками — удачливыми и неудачливыми, благородными и сугубо своекорыстными. При всей своей неприязни к абречеству, публицист Г. Ткачев заявлял: «Я желал бы всегда отделять воров от туземцев, хотя бы эти воры и были туземной крови. Пора отделять мирно трудящийся люд — селян, купцов, ремесленников — от неустановившейся мути, поставляющей нам воров и абреков»²⁴.

Однако в силу своей неспособности выявить экономические причины абречества, Ткачев всю суть этого явления видел в недостатках властей по

использованию имеющихся у них полномочий — как силовых, так и просветительских — для подавления преступности в Терской обл. Более глубоким представляется мнение советского исследователя С.И. Гуревича: «Чеченец и ингуш в силу роста товарно-денежных отношений в деревне разорился и нищал, но не видя истинного врага, искал выход в абречестве...». Поистине, абречество оказалось национальной трагедией горских народов и сыграло бесспорно отрицательную роль в их истории, негативно отразилось на межнациональных отношениях и государственной безопасности в Терской области.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 43.
2. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. Владикавказ, 1911. С. 76.
3. Там же. С. 66.
4. Там же. С. 67.
5. Там же. С. 69.
6. Там же. С. 69—70.
7. Ткачев Г.Н. Казаки и туземцы в Терской области. Владикавказ, 1910. С. 34.
8. Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 1. С. 133.
9. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973. С. 10.
10. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. С. 31—32.
11. Там же. С. 35.
12. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. Махачкала, 1965. С. 269-270.
13. Государственная дума. Созыв II. Сессия I. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1907. С. 78.
14. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. С. 36.
15. Там же. С. 37.

16. Там же. С. 77.
17. Там же. С. 147.
18. Там же. С. 13.
19. Материалы ЦГА Северной Осетии. Ф. 54. Оп. 2. Д. 762. Л. 35 об.
20. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 674. Л. 104, 104 об.

21. Гассиев А.А. Избранные произведения. Владикавказ, 1994. С. 404.
22. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. С. 39.
23. Хасбулатов А.И. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905-1907 гг. Грозный, 1966. С. 84.
24. Ткачев. Казаки и туземцы в Терской области. С. 35.
25. Гуревич С.И. Борьба за Советскую власть на Тереке в 1917—1918 гг. М., 1956. С. 9.

ABREKS AND EXPERIENCE OF FIGHTING AGAINST THEM IN THE NORTH-EAST CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

I.Ye. Dunyushlin

The article deals with the problems of security and abrek determent in the North-East Caucasus at the beginning of the 20th century. Abreks (from an Ossetian word abrag) were mobile mounted guerilla units. Long and successful guerilla movement in the North-East Caucasus at the beginning of the 20th century was mostly due to the considerable support of the local population, primarily Vainakhs (Chechen and Ingush). The article dwells upon the role of abrek phenomenon in the eastern part of Tersk oblast.

Key words: Abreks, security in the Caucasus, guerilla movement, Vainakhs.